

Илюшин Андрей Михайлович

Россия, Кемерово

Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева

Западные и восточные кипчаки по материалам археологии

Новые знания в исследовании кыпчакского культурно-исторического феномена в период развитого средневековья истории Степной Евразии во многом формируются за счет пополнения археологических материалов. Письменные источники в основной своей массе известны широкой научной аудитории и их массив практически не изменяется. Совсем по-другому обстоит дело с вещественными источниками по истории и культуре бесписьменных этносов входивших в Дешт-и-Кипчак, которые изначально играли второстепенную роль, а сейчас за счет увеличения базы данных постепенно занимают лидирующее место в исследовании различных исторических и этнокультурных процессов. Неравномерная база источников по истории поздних кочевников привела к тому, что восточноевропейские археологические материалы преимущественно исследовались на уровне этнокультурных (печенеги, торки, половцы) или типолого-хронологических комплексов, а сибирские – на уровне систематизации региональных археологических культур (сросткинская, басандайская, шандинская, аскизская, ладейская, усть-талькинская и др.) и эпизодически этнокультурных комплексов (кимаки, огузы, кыргызы, кипчаки, кыштымы, теленгуты и др.). В этой связи возникла рыхлая структура восприятия культурно-исторического феномена Дешт-и-Кипчак, который в предмонгольский период истории (с конца X–XI до начала-середины XIII в.) охватил огромную территорию по поясу пустынь, степей и лесостепей от Байкала до Дуная, практически подготовив великодержавие монголов на евразийском континенте.

До недавнего времени считалось, что кипчаки после распада кимакского государства располагавшегося в предгорьях северо-западного Алтая, в верхнем и среднем течении р. Иртыш кипчаки двинулись на запад. С 1030 года они стали соседями Хорезма приведя в движение племена огузов ранее проживавших на этих землях, а затем по следам последних заняли территории Казахстана, Южного Урала и восточноевропейские степи. В результате этих миграционных потоков на степных и лесостепных просторах западной Евразии появились многочисленные кыпчакские орды и их объединения. Для обозначения этого культурного феномена в арабских и персидских источниках развитого средневековья стали употреблять термин Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь) для этнополитической атрибуции территорий. Эта гипотеза в различных интерпретациях представлена в трудах многих авторов и вошла во многие энциклопедические, справочные издания и легла в основу многих археологических исследований [Кудряшов, 1948; Плетнева, 2001, С. 214; 2003. С. 152–169, рис. 50; и др.]. Однако появление новых археологических материалов и их систематизация позволяют сейчас ставить вопрос о том, что процессы последовательной миграции различных кочевых этносов в западном направлении были не столь прямолинейными. На это указывают факты присутствия кыпчакского этноса в составе так называемых огузских племен на западных территориях уже в начале XI в., а также значительные миграционные потоки кипчаков в восточном направлении.

Последнее имеет принципиальное значение для характеристики этнокультурных и исторических процессов в предмонгольский период истории. Последние открытия позволяют значительно расширить территорию Дешт-и-Кипчак на восток до Байкальской Сибири и свидетельствуют о миграции кыпчакских орд не только в западном, но и в восточном направлении в предмонгольский период истории. Первыми восточными территориями под властью кипчаков стали просторы степного и лесостепного Алтая, где предмонгольский период истории связывают с третьим (шадринцевский) и четвертым (змеевский) этапами развития сросткинской культуры, когда кыпчакский компонент начинает преобладать над местным смешанным самодийско-тюркским в степи, вытесняя его

в лесостепь. Этот процесс объясняют усилением собственно кыпчакских племен в Кимакском каганате, а после его распада с их широкой миграцией на соседние земли в восточном и западном направлениях [Неверов, Горбунов, 2001. С. 176–178]. Затем было Верхнее Приобье, где памятники X–XIV вв., А.А. Адамов тоже отождествляет со сроткинской археологической культурой и выделяет три её локальных варианта – Новосибирский, Томский и Кузнецкий. В развитии сроткинской культуры он фиксирует два хронологических этапа: X–XII вв. и XIII–XIV вв. По мнению этого исследователя, на первом этапе сроткинцы продвинулись в пределы Кузнецкой котловины, Новосибирского и Томского Приобья, вытеснив и частично ассимилировав верхнеобцев, а на втором этапе смены населения не было: оно было тюркским (кыпчакским) и на его основе сформировались томские татары [Адамов, 2000. С. 76–84]. Л.М. Плетнева на территории Томского Приобья выделила басандайскую культуру XI–XIV вв. с большой долей присутствия кыпчакского компонента и предположила, что территория этой культуры может быть расширена за счет Среднего Притомья и Новосибирского Приобья [Плетнева, 1997. С. 123]. В последующем эту точку зрения разделили другие коллеги, которые объединили археологические материалы развитого средневековья Новосибирского и Томского Приобья в рамках басандайской культуры. При этом они зафиксировали в ней как местные, так и пришлые компоненты, а некоторые различия в материалах конкретных памятников объяснили их принадлежностью к определенным субэтносам более крупной этнокультурной общности [Савинов, Новиков, Росляков, 2006. С. 338–339]. При этом для территории Новосибирского Приобья вновь отмечается факт, что монгольское завоевание начала XIII в. не внесло больших изменений в культуру степного населения, которое по-прежнему оставалось в основном тюркоязычным (кыпчакским) [Троицкая, Новиков, 2004. С. 91]. Ранее было предложено рассматривать Верхнее Приобье в развитом средневековье как территорию басандайской этнокультурной кыпчакской общности [Илюшин, 1998. С. 91–94]. В пределах Кузнецкой котловины была выделена самостоятельная шандинская археологическая культура тюркоязычных кочевников XI–XIV вв., которая была пришлой, а ее появление объяснял массовой миграцией тюркоязычных (кыпчакских) групп населения [Илюшин, 2005. С. 120–126]. Следующим регионом в движении на восток было Среднее Причудымье, где при исследовании погребальных памятников X–XIII вв. наряду с местным и пришлым кыргызским компонентами в культуре фиксируется присутствие кыпчакского компонента на вторых ролях [Беликова, 1996. С. 150]. Далее на восток на территории Канско-Ачинской лесостепи фиксируется ладейская культура VII–X – XIII–XIV вв., которая изучена до сих пор не достаточно полно. При этом фиксируется факт, что на рубеже I и II тыс. в этом регионе происходит смена культурных традиций связанная с усилением кыргызов и появлением культурных компонентов из Среднего Причудымья и Западной Сибири [Фокин, 2005. С. 217–219]. Далее на восток Байкальской Сибири в верховьях Ангары и Лены открыта усть-талькинская культура тюркоязычных кочевников, которая стала складываться в конце XI – начале XII вв. По совокупности элементов погребального обряда эта культура очень близка культуре тюркских (кимако-кыпчакских) племен Саяно-Алтая, Верхнего Приобья и Прииртышья и даже завоевание монголами Предбайкалья в XIII в. не повлекло за собой переселение или уничтожение этих культурных традиций [Николаев, 2004. С. 146–149]. Крайним восточным пунктом, куда добралась культура Дешт-и-Кипчак, является территория ближнего Забайкалья, где на уровне археолого-этнографических источников фиксируется ее присутствие [Дашибалов, 2004. С.185–186].

Список литературы

- Адамов А.А.** Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск-Омск, 2000.
Беликова О.Б. Среднее Причудымье в X–XIII вв. Томск, 1996.
Дашибалов Б.Б. Бурятские погребения XVI–XVII вв. (кыпчаки в этногенезе бурят и якутов) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы-Омск,

2004.

Илюшин А.М. Басандайская этнокультурная общность на территории Верхнего Приобья в период развитого средневековья (по материалам Кузнецкой котловины) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1998.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005.

Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Матер. XII ЗСАЭК. Томск, 2001.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Владивосток-Иркутск, 2004.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж, 2003.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск, 2006.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины: Учебное пособие. Новосибирск, 2004.

Фокин С.М. К вопросу о выделении археологических культур раннего и развитого средневековья в Красноярской лесостепи // проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Матер. XIII ЗСАЭК. Томск, 2005.